

## Генезис и типология «скуки» в творчестве Блока

На первый взгляд кажется странным вести речь о скуке в отношении поэта, внешняя и внутренняя жизнь которого была насыщенной множеством событий и впечатлений, наполненной интенсивными творческими исканиями, романтическими переживаниями, взлетами и падениями. И тем не менее проблема эта насущная. В той или иной степени она затрагивает и других художников.<sup>1</sup>

Касаясь личности и судьбы Блока, мы в значительной мере имеем дело не столько с банальной житейской скукой, свойственной многим (томление бездействия, праздности, равнодушное и бесцельное проживание, отсутствие интереса к окружающему и т. п.), сколько с «феноменальной скукой», если можно так выразиться. Просто скучать и болезненно переживать скуку — далеко не одно и то же. Это — явление неоднозначное, сложной природы, вызванное как личностными свойствами поэта, так и особенностями эпохи, современником которой он был. Цель данной статьи — проследить, как с годами у Блока складывалась уникальная в своем роде типология «скуки».

---

<sup>1</sup> См., например, о семантике «скуки» в жизни и творчестве Пушкина: *Пеньковский А. Б. Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении*. М., 2003. С. 187—224, 236—267. Д. С. Мережковский в одном из стихотворений выразился весьма категорично: «Страшней, чем горе, эта скука...» («Скука», 1895). Ср. также в его стихотворении «Так жизнь ничтожеством страшна...» (1901): «Так жизнь ничтожеством страшна, / И даже не борьбой, не мукой, / А только бесконечной скукой / И тихим ужасом полна». О философских и психологических аспектах «скуки», в том числе связанных с мироощущением порубежной эпохи, см.: *Свендсен Л. Философия скуки* / Пер. с норв. К. Мурадян. М., 2003; *Тардье Э. Скука: Психологическое исследование* / Пер. с франц. 4-е изд. М., 2013.

\* \* \*

Юного Блока обыденная скука посещала не часто.<sup>2</sup> Жизнь воспринималась им как калейдоскоп разнообразных событий. В одном из ранних стихотворений («Безрадостные всходят семена...» 1902) он признавался:

Мне сладостно от всяких перемен,  
Мне каждый день рождает перемены.  
(1, 121).

В письме к М. С. Соловьеву от 23 декабря 1902 года Блок в мажорных тонах сообщал: «...часто радуюсь, никогда не скучаю, имею бесчисленные планы...» (VIII, 49).

Обращает на себя внимание, однако, помета Блока в записной книжке № 1 (1902) в связи с ранним стихотворением Ап. Григорьева «Тайна скуки» (1843): «Ему зачтется это!» (ЗК, 29). Разуверение во всем — причина скуки; уповать можно только на «чудо» — таков лейтмотив данного стихотворения:

Ведь ни добра, ни даже худа,  
Без непосредственного чуда,  
Нам жизнью нашей не нажить  
В наш век пристойный...  
<...>  
Оставьте ж мысль — в зевоте скуки  
Душевных ран, душевной муки  
Искать неведомых следов...<sup>3</sup>

В данном контексте примечательно высказывание «последнего романтика», содержащееся в письме к Е. С. Протопоповой (1858), которое Блок позднее привел в статье «Судьба Аполлона Григорьева» (1915): «Ужасную эпоху переживаем мы вообще. <...> Мир и счастье не нам. Чудеса же замолкли... или, если хотите, чудеса совершаются только во внутреннем мире души, все более и более отрывая ее от пристрастия к чему бы то ни было земному, преходящему» (V, 506).

<sup>2</sup> Согласно частотному словарю лирики Блока, в стихах первого тома (1898—1904) слово «скука» употреблено дважды, «скучно» и «скучный» — по одному разу (Минц З. Г. Поэтика Александра Блока. СПб., 1999. С. 711, 719).

<sup>3</sup> Стихотворения Аполлона Григорьева / Собрал и примечаниями снабдил Александр Блок. М., 2003 (репр. изд. 1915). С. 75.

Уже в тот период обозначилась одна характерная особенность природы Блока. Случалось иногда, что скука являлась следствием бурного всплеска эмоций. Состояние напряженных переживаний сменялось душевной апатией, увлечение кем-либо или чем-либо — скепсисом. В частности, 31 марта 1900 года он писал К. М. Садовской: «Со мной бывает вот что: я — весь страсть, обожание, самое полное и самое чистое; вдруг все проходит — является скука, апатия (мне незачем рисоваться), а иногда отчаянная беспредметная тоска» (VIII, 11).

В сущности, о том же Блок писал А. Белому в августе 1907 года, вспоминая начало их переписки — 1903 год: «В то время я жил очень неуравновешенно, так что в моей жизни преобладало одно из двух: или — страшное напряжение мистич<еских> переживаний (*всегда высоких*), или страшная мозговая лень, усталость, забвение обо всем. Кстати, — я думаю, что в моей жизни все так и шло, и долго еще будет идти тем же путем».<sup>4</sup>

В дневниковой записи от 21 июля 1902 года Блок объяснял подобные перепады настроения следующим образом: «...всегда всякий человек, пребывая известное количество моментов в одном положении, *требует* заполнить *следующие* моменты другим» (VII, 52).

Очевидно, что с юности уровень требований Блока к себе, к людям, к миру всегда был предельно высок. Это важная доминанта его природы. Именно в тотальном максимализме притязаний, на наш взгляд, следует искать основную причину блоковской «скуки».

Максимализм Блока в начале века отчетливо выразился, в частности, в восприятии им апокалиптической идеи «конца мира», за которым должно было последовать его коренное Преображение. Данные идеи сопряжены с понятием «скука» в дневниковой «Заметке о Мережковском» (декабрь 1902) с отсылкой к книге «Л. Толстой и Достоевский»: «Теория в основании безукоризненна (оставляя, может быть, частности). Но — это констатированье мирового процесса, который во всей своей разоблаченности и представляет титаническую скуку до своего разрешения. Констатированье без разрешения. Скука потенциального (а не свершившегося) конца всемирной *истории*. Скука — потому что это *не* конец *мира*, а только исторического процесса. <...> Обетование без провиденья. <...> Р. С. Доказательство “скуки” на примере: встречаются термины: 1) язычество и

---

<sup>4</sup> Белый и Блок. Переписка. С. 323.

христианство, 2) центробежный и центростремительный. — По духу теории (явно без объяснения) — они требуют перекрещивания. И, без сомнения, язычество центробежно, христианство — центростремительно. Как будто намек на “что-то”. Мигающий фонарь. <...> Фонарик мигнул и потух — до следующего мигания. <...> Скука миганий. Нам он примигался. Мы “привыкли”...» (VII, 67, 68).<sup>5</sup>

Воззрения Мережковского казались Блоку недостаточно радикальными. З. Г. Минц в связи с приведенной записью отметила: «Ход событий, чувствует Блок, будет совсем иным — страшным, быть может, но не “скучным”». <sup>6</sup> Здесь Блок, помимо прочего, отметил также характерную для Мережковского повторяемость антиномических терминов и конструкций, что само по себе могло вызывать у читателя «скуку».

Медлительность исторического процесса, который не предполагал реального эсхатологического упразднения мира, с молодости удручала Блока. В масштабе блоковского мышления существенны резкие сдвиги, нарушенное равновесие, выход на небывалые уровни бытия, катаклизмы вселенского масштаба, мгновенное Преображение жизни и человека и т. п. Соглашаться на меньшее он был не склонен. Эволюция, с его точки зрения, — это своего рода дрящящаяся «мировая, титаническая скука».

Несомненный интерес в аспекте затронутой темы представляет письмо Блока к Л. Д. Менделеевой (<27 декабря 1902 года>), где он размышлял о подлинной и обманчивой любви: «Никакое насилие над собственной волей не поможет, если в ней самой не заложено чувство духовного роста, *священное* устремление к предмету культа. Тут различается истинная любовь от неистинной: к неистинной нужно принуждать себя. Нужно представить себе, “вообразить” предмет любви так, как этого хочешь. Здесь, значит, внешнее принуждение. И так как всякое желание, идущее извне, а не изнутри, имеет свой предел, то и здесь потухает искусственно раздутый огонь и начинается медленный и естественный, ничем не истребимый прилив простой житейской скуки — “охлаждение”,

---

<sup>5</sup> Ср. уже в другом контексте позднейшую дневниковую запись от 27 марта 1919 года: «Кончается не мир, а процесс» (VII, 358). Подробнее об этом см.: *Быстров В. Н.* Идея Преображения мира в сознании и творчестве Александра Блока // *Литература и история: Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII—XX вв.* СПб., 1992. <Сб. 1.> С. 221—222.

<sup>6</sup> *Минц З. Г.* Блок в полемике с Мережковскими // *Минц З. Г.* Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 552.

как говорят циничные и пошлые люди... <...> Некогда жалеть о прошедшем, когда прекрасно настоящее. Нечего также жалеть о прошедшем, если существо его не изменилось, а только разрослось и еще разрастается, и всегда будет заключать в самом себе силу этого роста. <...> И никогда “свергнувшегося вниз” с ложной вершинки не понесут Ангелы и не поддержат “крылами своими”. Он “преткнется о камень”. <...> А камень, о который он преткнется, будет мировая, громадная, серая “скука”, которая всех поджигает внизу, и стоит потушить огонь, чтобы остаться в потемках, сбиться с дороги и погрузиться в неизвестность и безысходность не жизненного, а житейского процесса».<sup>7</sup>

В сущности, об этом же неизбежном приливе «простой житейской скуки», сменяющей чувственную, привычную, «земную» любовь, Блок писал в дневнике 21 июля 1902 года, касаясь своих отношений с будущей невестой: «Я хочу *не* объятий: потому что объятия (внезапное согласие) — только минутное потрясение. Дальше идет “*привычка*” — вонючее чудище. Я хочу *не* слов. Слова были и *будут*; слова до бесконечности изменчивы, и конца им не предвидится. Все, что ни скажешь, останется в теории. Больше *испуга* не будет. Больше ПРЕЗРЕНИЯ (во многих формах) — не будет. <...> Я хочу сверх-слов и сверх-объятий. <...> Многие бедняжки думают, что они разочарованы, потому что они хотели не того, что случилось: они ничего не хотели» (VII, 52—53). Трудно сказать, что подразумевал поэт под «сверх-словами» и «сверх-объятиями». Однако несомненно, что лишь нечто сверхъестественное в истинной любви, безусловное, не имеющее эмпирических пределов может спасти от привычных проявлений, от разочарований, от «охлаждения», от всего того, что в конечном итоге приводит к «скуке». Такого рода необычайная любовь предполагала предельно высокий уровень душевной и духовной экзальтации.

Параллельно в стихотворении «Я ждал под окнами в тени...» (сентябрь 1902) возникает мотив «мистической ревности», когда внутренне раздвоившийся лирический герой, мечтающий «про счастье», «про белых, девственных русалок», как бы следит со стороны за свиданием возлюбленной с его «двойником»:

И вот они — вдвоем — одни...  
Он шепчет, жмет, целует руки...

<sup>7</sup> ЛН. М., 1978. Т. 89: Александр Блок. Письма к жене. С. 95—96.

И замер я в моей тени,  
Раздавлен тайной серой скуки.  
(4, 170)<sup>8</sup>

Герой не приемлет тех проявлений любви, которые чреватые «серой скукой». Можно предположить, что в более позднем стихотворении «В те ночи светлые, пустые...» (1907) мы имеем дело с трансформацией «скуки», возможно, что эпитет «красивая» относится не только к «нежности», но также и к «скуке»:

И чуждый — чуждой жал он руки,  
И север сам, спеша помочь  
Красивой нежности и скуке,  
В день превращал живую ночь.  
(2, 182)

Мотив скуки в «неистинной» любви-страсти встречается затем в стихотворении «О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой...» (1912) из цикла «Черная кровь»:

Я слепнуть не хочу от молнии грозовой,  
Ни слушать скрипок вой (неистовые звуки!),  
Ни испытать прибой неизреченной скуки,  
Зарывшись в пепел твой горящей головой!  
<...>  
Но ты меня зовешь! Твой ядовитый взгляд  
Иной пророчит рай! — Я уступаю, зная,  
Что твой змеинный рай — бездонной скуки ад.  
(3, 35)

Показательны также размышления Блока, касавшиеся его отношений с Н. Н. Скворцовой, в которой поначалу он усматривал черты ибсеновской Гильды: «Кстати, по поводу письма Скворцовой: пора разорвать *все эти связи*. Все известно заранее, все скучно, не нужно ни одной из сторон» (VII, 123).

Любовь к жене Блок, несомненно, считал подлинной, даже «великой». В возвышенных представлениях поэта никакой «скуки» в их исключительных отношениях не должно было быть. Однако

<sup>8</sup> См. также комментарий Н. Ю. Грякаловой к данному стихотворению, в котором оно сопоставляется со стихотворениями «Ты страстно ждешь. Тебя зовут...» (1901), «Я бремя похитил, как тать...» (1901), «Она стройна и высока...» (1902), «Явился он на стройном бале...» (1902), «Двойник» («Вот моя песня — тебе, Колумбина...», 1903) (4, 561—562). Ср. в стихотворении «Двойник»: «Злобно кричу я: "Мне скучно! Мне душно!"» (1, 158).

годы накладывали свой отпечаток, что находило отражение и в образно-тематическом строе лирики. Показательно в этом отношении стихотворение «Весенний день прошел без дела...» (1909) с его горестными сетованиями:

Скучала за стеной и пела,  
Как птица пленная, жена.  
<...>  
И стало беспощадно ясно:  
Жизнь прошумела и ушла.  
Еще вернутся мысли, споры,  
Но будет скучно и темно;  
К чему спускать на окнах шторы?  
День догорел в душе давно.  
(3, 48)

В октябрьской записи 1912 года Блок констатировал: «Ей скучно и трудно жить. Скучно со мной тоже. Я, занятый собой и своим, не умею “дать” ей ничего» (VII, 165). В мае 1913 года в письме к жене Блок высказал опасение: «...иногда думаю, как бы тебе не было скучно со мной» (VIII, 421), а в июне 1914-го, находясь в Шахматове, записал: «...хожу по тем местам, где я когда-то, в молодости, то-сковал о Любе, а после — скучал с ней» (3К, 233).

Потрясения 1905 года взбудоражили поэта. В июне этого года он с воодушевлением писал Е. П. Иванову: «Какое важное время! Великое время! Радостно» (VIII, 131). Внешние события придали даже определенный смысл его внутренней жизни. Так, в марте 1905 года Блок сообщал отцу: «Скука вообще куда-то давно испарилась, и это заставляет меня думать, что пути мои не совсем кривы...» (VIII, 122). «Ему надобен был мятеж», — так определял Г. И. Чулков тогдашнюю настроенность Блока.<sup>9</sup> Неслучайно в статье о М. А. Бакуanine (1906) поэт сочувственно цитировал слова знаменитого анархиста: «Страсть к разрушению есть вместе и творческая страсть» (7, 42). Такая страсть, кажется, мало совместима со скукой...

Между тем в представлении Блока всеобъемлющая скука и в те годы была буквально «разлита» в окружающем мире. Он всюду замечал ее. Размеренное, привычное, серое, унылое существование обывателей разных сословий неразрывно связывалось в его сознании с тривиальной скукой. Этот мотив декларативно заявлен в таких общеизвестных текстах 1905—1906 годов, как «По-

<sup>9</sup> Письма Александра Блока. Л., 1925. С. 119.

весть», «Незнакомка» (и его вариант), и является лейтмотивом стихотворения «Сытые»:

Они давно меня томили:  
 В разгаре девственной мечты  
 Они скучали, и не жили,  
 И мяли белые цветы.  
 <...>  
 Пусть доживут свой век привычно —  
 Нам жаль их сытость разрушать.  
 Лишь чистым детям — неприлично  
 Их старой скуке подражать.  
 (2, 120)

Заведомо скучной казалась Блоку и жизнь в будничной атмосфере западной цивилизации. Так, вспоминая свои впечатления от пребывания на немецком курорте Гессен-Нассау в 1903 году, он писал в статье «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» (1906): «В курорте скука — тоже зеленая. Сам “творишь” свою жизнь, свое отчаянное безделье и русскую скуку и лень. <...> И свидания над туманным озером еще больше нагоняют скуку, знаешь, что через месяц-два поплетешься по Невскому под мокрым снегом. <...> Скука» (7, 31—32). Тут, видимо, наложились и воспоминания о лете 1898 года в Бад-Наугейме, где развивался его «курортный роман» с К. М. Садовской. Знаменательно, что «русская скука и лень» находят себе питательную почву в недрах скучного западного мира. Эти представления сохранялись и позже.<sup>10</sup>

При этом Блок ясно осознавал: и многотрудное бытие художника, вовлеченного в стремительный водоворот дум, противоборств, страстей и желаний, не лишено порой приступов скуки от усталости, утомления от жизни (*taedium vitae*). Блок особо отметил это в своей рецензии 1904 года на сборник В. Брюсова «*Urbi et Orbi*», когда писал о «безвыходной замкнутости “*L'ennui de vivre*”<sup>11</sup>» (7, 143), имея в виду стихотворение Брюсова 1902 года.<sup>12</sup>

<sup>10</sup> В частности, 30 августа 1911 года Блок писал матери из Парижа о европейской цивилизации: «Скучно на свете!» (VIII, 370). Ср. также в письме к Вл. Пясту от 19 июля 1913 года из французского местечка Гетари: «Жить, конечно, скучно, я сплю без конца» (VIII, 424).

<sup>11</sup> «Скука жизни» (*франц.*).

<sup>12</sup> Ср. первую строфу стихотворения «*L'ennui de vivre*...»: «Я жить устал среди людей и в днях, / Устал от смены дум, желаний, вкусов, / От смены истин, смены рифм в стихах. / Желал бы я не быть “Валерий Брюсов”» (*Брюсов В. Сочинения: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 134.*)



Эта подспудная скука художника может быть даже «болезненной», сравнимой с мучительными прозрениями разума, о чем Блок размышлял в ноябре 1903 года в письме к Андрею Белому: «Вы знаете, наверно, что разрывание от *понимания* окружающего иногда еще болезненнее скуки. Потому, вероятно, как и я, не всегда позволяете себе понимать. Впрочем, часто этого предотвратить невозможно...»<sup>13</sup> Такое прозорливое «понимание окружающего» в чем-то сродни «вещей скуке» знания мира, о которой Блок писал в статье «Безвременье» (1906) в связи с «демонической» ипостасью Лермонтова (7, 27).

После бурных событий 1905 года, от которых слишком много ждали, от воздействия которых «скука вообще куда-то... испарилась», наступило относительное «затишье». В мае 1906 года Блок, находясь в Шахматове, отметил в записной книжке: «Зеленая скука. А город — серая скука» (ЗК, 75). Революция пошла на спад. Общественные страсти не утихли, но было очевидно, что кардинальных перемен не предвидится.

Близко соприкоснувшись в то время с миром театра, Блок и там увидел приметы упадка: «На современной сцене и за кулисами водворилась мещанская жизнь», «господствует скука и томление духа» (8, 32, 21). В статье «О театре» (1908) он в весьма иронических, фельетонных тонах описывал атмосферу после спектакля: «Автор простирает объятия режиссеру, режиссер — автору, все взаимно благодарят друг друга за выучку и за солидарность, и, при громе аплодисментов, шестьдесят восемь участников торжества выходят кланяться семнадцать с половиной раз. Это ли еще не самая большая, не самая чудодейственная скука? Скука — шестьдесят девятое действующее лицо, которое безмолвно стоит тут же... <...> Дай Господи, чтобы это была *только скука*, та здоровая скука, когда хочется плюнуть на все, что манило, нравилось, влекло. Но если заведется *тоска* и запоет вблизи, как шарманщик на дворе в последние осенние дни, тогда не легко сдобровать прозорливому человеку» (8, 22). Блок, оценивая, в частности, сферу драматического искусства, полагал, что наступило «переходное время» накануне «великого бунта», когда «здоровая скука» чуть ли не во благо: «Не всё же веселиться, пора и поскучать — не пора ли? Не пора ли? Остаться одному, как шест на снежном поле,

---

<sup>13</sup> *Белый и Блок. Переписка*. С. 121. Примечательно в связи с этим признание Блока в письме к Е. П. Иванову от 15 июня 1904 года: «*Намек на определенность — болезнь для меня...*» (VIII, 105).

растратить душу, закручиниться и не знать, куда пойти, — статья «нищим духом». <...> И вот, вероятно, единственная дорога для человека, который остался один, потерял душу, обнищал: дорога к делу» (8, 23).

Блок в то время писал об интеллигентской скуке утонченности и пресыщения, граничащих со снобизмом. В статье «Литературные итоги 1907 года» (1907) он назвал ее «благородной скукой <...> гнилого русского дворянства» (7, 112). Она, по Блоку, порождена бездельем и пустыми словопрениями в разного рода обществах. Но ведь и сам Блок иногда был подвержен такого рода скуке. В частности, крайне уничижительно, свысока поэт отозвался в той же статье о собраниях Религиозно-философского общества: «С религиозных собраний уходишь не с чувством неудовлетворенности только: с чувством такой грызущей скуки, озлобления на всю ненужность происшедшего; с чувством оскорбления за красоту, ибо всё это так ненужно...» (7, 111). На несправедливо резкие суждения Блока откликнулся В. В. Розанов в фельетоне «Автор “Балаганчика” о Петербургских религиозно-философских собраниях». В нем он объяснял запальчивость критика, «юного Экклезиаста», особенностями его мировосприятия. Видимо, поэт, как прозорливо предполагал критик, носил в душе «идеал непереносимо высокий», «испепеляющий действительность».<sup>14</sup>

Особая разновидность скуки у Блока — своеобразная скука, условно выражаясь, «сверхэстетая». Так, в статье «Пеллеас и Мелисанда» (1907) он утверждал: «...смертельно скучно не прекрасное, а только красивое...» (7, 105).<sup>15</sup> 19 июня 1909 года он признавался матери в письме из Италии: «Перед Рафаэлем я коленопреклоненно скучаю, как в полдень — перед красивым видом» (VIII, 289). Не означает ли это, что в глазах Блока творения Рафаэля были не столько прекрасны, сколько красивы? Критерий этот, конечно, во многом опирался на субъективные ощущения и оценки. Негативно воспринял Блок и архитектуру Версаля: «Скука в Версале. Все, начиная с пропорций, в XVIII веке — отвратительно» (ЗК, 196). Столь же гипертрофированный подход проявлялся порой и в отношении Блока к театральному искусству. 20 февраля 1913 года

<sup>14</sup> Розанов В. В. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 263.

<sup>15</sup> Ср. эпиграф из Вилье де Лиль-Адана (источник не указан) к статье Эллиса (Л. Л. Кобылинского) «Наши эпигоны» (Весы. 1908. № 2. С. 61): «L'amour du Beau est l'horreur du joli!» («Любовь к Прекрасному вызывает отвращение к красивому»; фр.). В личной библиотеке Блока был сборник новелл Вилье де Лиль-Адана «Будущая Ева» на языке оригинала (Paris, 1886), см.: Библиотека Блока. Кн. 3. С. 157.

поэт откровенно писал жене: «Не люблю я актеров... <...> Тут *стыдное* что-то. Спасает *только гений*; нет гения — стыдно, скучно, не нужно» (VIII, 410).<sup>16</sup>

Существенно, что восприятие «скуки» не было у Блока однозначным. В стихотворении «Когда, вступая в мир огромный...» (1909) она предстает одним из существенных атрибутов человеческой жизни:

Когда ж ни скукой, ни любовью,  
Ни страхом уж не дышишь ты...  
<...>  
Тогда — ограблен ты и наг...  
(3, 47—48)

«Дышать» хотя бы скукой — значит питать надежду на перемены в своей и общей жизни, на обновление человека и человечества.<sup>17</sup> Как ни странно, скука здесь почти животворная: она могла способствовать спасительному возрождению. В поэме «Возмездие» она выступает даже как одна из ипостасей напряженной душевной и духовной жизни такого незаурядного человека, каким воспринимал Блок своего отца. Он писал о вдохновенной игре Александра Львовича на рояле, которая отражала грани его натуры и судьбы:

С нежданной силой пел рояль,  
Будя неслыханные звуки:  
Проклятия страстей и скуки,  
Стыд, горе, светлую печаль...  
<...>  
Недаром в скуку, смрад и страсть  
Его души — какой-то гений  
Печальный залетал порой...  
(5, 58)

Скука и страсти души поставлены в один ряд и в эпизоде прощания сына у гроба отца:

<sup>16</sup> Ср. также отзыв о сборнике С. Городецкого «Ива» (1912): «...отдельные строки и образы блестят самоценно — большая же часть оставляет равнодушие и скуку» (VII, 178).

<sup>17</sup> Ср. в статье «Дневник женщины, которую никто не любил» (1912, 1918): «Холодный ужас житейской скуки <...> способен дать людям — и несчастным и счастливым — часто гораздо больше, чем занимательная и красивая выдумка» (VI, 36).

И мыслит сын: «Где ж праздник Смерти?  
 Отцовский лик так странно тих...  
 Где язвы дум, морщины муки,  
 Страстей, отчаянья и скуки?  
 Иль смерть смела бесследно их?»  
 (5, 53—54)

Иногда у Блока к скуке примешивалась тоска — выраженное эмоциональное переживание, такое, к примеру, как уныние, печаль, меланхолия. Она может быть «тревожной»,<sup>18</sup> надрывной, болезненной, гнетущей и т. д.<sup>19</sup> В стихотворении «Когда мы встретились с тобой...» (1914) поэт писал, вспоминая о тяжелых днях декабря 1909 года, проведенных в Варшаве, куда он приехал на похороны отца, соотнося скуку, холод и боль:

Как скучно, холодно и больно!  
 Когда б из памяти моей  
 Я вычеркнуть имел бы право  
 Сырой притон тоски твоей  
 И скуки, мрачная Варшава!  
 (3, 63)

В июле 1913 года Блок, будучи за границей, сетовал в письме к матери: «Днем находит скука и тоска».<sup>20</sup> В июне 1914 года он отметил в записной книжке: «Тоска и скука. Неужели моя песенка спета?» (ЗК, 233).

В совершенно другом смысловом контексте эти различные состояния фигурируют в стихотворении «Да. Так диктует вдохновенные...» (1911) из цикла «Ямбы»; в них таится некий скрытый до времени потенциал, они могут зреть подобно «правому гневу»:

Дай гневу правому созреть,  
 Приготовляй к работе руки...

<sup>18</sup> Ср. в стихотворении «Юрию Верховскому» (1910): «Где я — в тревоге и в тоске» (3, 97).

<sup>19</sup> Исследуя это соотношение применительно к пушкинской эпохе, А. Б. Пеньковский убедительно показал, что «скука» у поэтов того времени нередко являлась синонимом грусти, тоски, печали, уныния, меланхолии, но и тогда у «скуки» и «тоски» имелись существенные отличия (*Пеньковский А. Б. Нина*. С. 189—204, 216—223), например: «...равнодушие скуки — это ее основа, суть и существо, в равнодушии она вся, тогда как равнодушие тоски — лишь ее проявление и следствие» (Там же. С. 223).

<sup>20</sup> *Письма к родным*. Т. 2. С. 243.

Не можешь — дай тоске и скуке  
В тебе копиться и гореть...  
(3, 62)

\* \* \*

На рубеже 1900-х — 1910-х годов Блок оказался как бы в фазе ожидания, переживая приливы «скуки разочарования» от несбывшихся надежд на преобразование мира и человека. «Мечты обманули». Со временем эти приступы нарастали, явственно обретая качества и размеры «экзистенциальной скуки». Жалобы на нее множились: и в стихах, и в письмах, и в дневниках, и в записных книжках... В стихотворении «Когда-то гордый и надменный...» (1910) цыганка в своих движениях как бы воспроизводит драматическую жизнь поэта, в которой есть место и восторгам любви, и безумию, и экстазу, но также — изнеможению и скуке:

То кружится, закинув руки,  
То поползет змеей, — и вдруг  
Вся замерла в истоме скуки.  
И бубен падает из рук...

О, как я был богат когда-то,  
Да всё — не стоит пятака:  
Вражда, любовь, молва и золото,  
А пуще — смертная тоска.  
(3, 130—131).

Мотив «скуки» акцентирован, в частности, в стихотворениях 1915 года «На улице — дождик и слякоть...» («И скучно, и хочется плакать, / И некуда силы девать...»),<sup>21</sup> «Перед судом» («Я смотрю добрей и безнадежней / На простой и скучный путь земной») и др.

Запись от 11 марта 1910 года сделана в ресторане «Яр»: «Боже мой, Боже мой, в скуке... Да! Я пьян» (ЗК, 167). Казалось бы, поиски «истины в вине» — верное средство избежать скуки, но средство это оказалось иллюзорным. По всей видимости, так же мало помогали и развлечения, которым Блок периодически отдавал часть времени и души: кинематограф, цирк, полеты авиаторов, аттракционы в «Луна-парке». В письме к Е. П. Иванову от 29 июня 1910 года он сетовал: «Какая тупая боль от скуки бывает!» (VIII, 313). Подоб-

<sup>21</sup> Очевидная реминисценция из стихотворения М. Ю. Лермонтова «И скучно, и грустно, и некому руку подать...» (1840).

ная экспрессия означает, что скука подчас порождает даже душевную боль. 2 мая 1913 года поэт записал в дневнике: «Скучаю, всему предпочитаю постель, апатия» (VII, 248).<sup>22</sup> 30 января 1914 года появляется запись: «Днем я перешел Неву по тающему льду. Скука» (ЗК, 205).

Несомненна автобиографическая основа некоторых стихов из цикла «Жизнь моего приятеля». Красноречива дневниковая запись Блока от 13 января 1912 года по поводу заметки Брюсова об этих стихах, напечатанных в «Русской мысли»: «Между строками можно прочесть: “Скучно, приятель? Хотел сразу поймать птицу за хвост?” Скучно, скучно, неужели жизнь так и протянется — в чтении, писании, отделывании, получении писем и ответчании на них?» (VII, 122—123).<sup>23</sup> Казалось бы, эти серьезные, напряженные занятия исключали скуку, но можно предположить, что ее порождали некоторое их однообразие, статичность и длительный характер, а также сомнения в их безусловной значимости и необходимости. Ведь и в своей повседневной жизни и работе Блок оставался максималистом. Нельзя забывать и о том, что нередко подкладка блоковской скуки — скепсис. Глубинный источник ее заключался в навязчивых мыслях о тщетности разнообразных усилий и «мелочных забот», о чем прямо сказано в стихотворении «Весь день, как день: трудов исполнен малых...» (1914):

Бессмысленность всех дел, безрадостность уюта  
Придут тебе на ум.  
(3, 29)

Здесь отразилась та безысходная «скука существования», которая с классической определенностью запечатлелась в мотивах и образах стихотворения «Ночь, улица, фонарь, аптека...» (1912):

Ночь, улица, фонарь, аптека,  
Бессмысленный и тусклый свет.  
Живи еще хоть четверть века —  
Всё будет так. Исхода нет.  
(3, 23)

<sup>22</sup> Ср. в письме к Л. Д. Блок от 14 февраля 1913 года: «У меня сейчас упадок духа, скучно» (ЛН. Т. 89. С. 289).

<sup>23</sup> Ср. в дневниковой записи, сделанной в тот же день: «Скучно писать и рыться в душе и памяти, так же как скучно делать вырезки из газет. Делаю все это, потому что потом понадобится» (VII, 123).

Вполне очевидно, что «дурная бесконечность» повторений — залог неизбывной скуки. Об этом, по сути, прямо сказано в стихотворении «Кольцо существованья тесно...» (1914):

Так нам заранее известно,  
Что всё мы рабски повторим.  
(3, 50)

1 июня 1915 года Блок писал матери: «Ах, ах, скучно. Все известно».<sup>24</sup> Хотя поэт и убеждал себя в том, что «*всю жизнь все равно не перескучаешь*» (ЗК, 135), однако само осознание такого мирового порядка вещей порой угнетало его, подтачивая волю к жизни, борьбе, к творчеству. 6 июня 1916 года он констатировал: «Жить все-таки скучно и чего-то все не хватает, так узко как-то и тесно» (ЗК, 305). Чего же поэту не хватало? Вероятно, прежде всего высокого смысла окружающей жизни, веры в преодоление косности мира, в близкое и далекое будущее, видения исторической и внеисторической перспективы, масштабов исполнения своей личной миссии на земле. Сознанию человека не тесно, когда резко расширяются рамки установленного бытия. Скука подстерегает тогда, когда жизнь никак не согласуется с предъявляемыми ей требованиями, когда не сбываются ожидания. В положении, когда не происходит кардинального обновления мира и перерождения человека, бесконечные повторения, варьируясь в нюансах, с его точки зрения, во многом лишали смысла бытие не только отдельной личности, но и целых народов... 16 января 1916 года Блок признавался в письме к С. Н. Тутолминой: «...требую от жизни — или безмерного, чего она не дает, или уже ничего не требую» (VIII, 454).

Достаточно явственно это проявилось в годы Первой мировой войны. 15 июля 1916 года Блок записал: «Так вот и проходят эти ни с чем по скуке и ненужности не сравнимые дни “великой войны”» (ЗК, 314). Как известно, с конца июля 1916 года поэт служил табельщиком в инженерно-строительной дружине под Пинском, в прифронтовой полосе. Оттуда он, среди прочего, сообщал родным: «Почвы под ногами нет никакой, большей частью очень скучно, почти ничего еще не делаю» (матери от 2 августа 1916 года из Порохонска — VIII, 466); «Блох понемногу истребляю, а скуку — нет. <...> Очень много “нового”, но все — то же самое, тебе, вероятно, известно это чувство» (жене от 2 августа 1916 года<sup>25</sup>); «Однако —

<sup>24</sup> *Письма к родным*. Т. 2. С. 268.

<sup>25</sup> *ЛН*. Т. 89. С. 361.

скучно. Я бы предпочел жить иначе» (жене от 4—7 августа 1916 года — VIII, 468); «Жизнь совершенно новая, я ее “переношу” с легкостью и не без удовольствия, кроме скуки временами» (ей же от 14 августа 1916 года — VIII, 469); «“Событий” здесь очень много, но все они неопишутся, не имеют ровно никакого смысла и значения. Мне скверно потому главным образом, что страшно надоело все, хотелось бы наконец жить, а не существовать, и заняться делом» (матери от 21 февраля <1917> года — VIII, 478). Скука, вероятнее всего, возникала от внешних условий существования, от сравнительно замкнутого пространства, невозможности реализовать свой духовный потенциал, от глобальной бессмысленности событий. Отчасти и поэтому позднее в статье «Интеллигенция и революция» (1918) Блок писал об этой войне: «Трудно сказать, что тошнотворнее: то кровопролитие или то *безделье*, та *скука*, та *пошлятина*; имя обоим — “великая война”, “отечественная война”, “война за освобождение угнетенных народностей” или как еще?» (VI, 10—11).

Нельзя, однако, игнорировать всегдашнюю двойственность мировосприятия Блока. В нем прихотливо совмещались и «отвращение от жизни», и «уменьше радоваться всяким житейским пустякам». <sup>26</sup> С максимализмом у Блока вполне уживалась его любовь к «мимолетным мелочам». Поэтому скука никогда не была у него доминирующей чертой мироощущения. Неслучайно в исповедальном стихотворении «Благословляю всё, что было...» (1912) он утверждал:

Пускай и счастье и муки  
Свой горький положили след,  
Но в страстной буре, в долгой скуке —  
Я не утратил прежний свет.  
(3, 96)

Вероятно, нередко он испытывал смешанные чувства: «Дни тянутся. Флобер, да воспоминания Фета, да еда, да природа. И скука и прелесть» (июнь 1914; ЗК, 233); «Многое вообще странно и скучно — одновременно» (март 1916; ЗК, 291).

Безусловно, скуке могло противостоять искусство, заключавшее в себе и духовные ценности, и высокий смысл, которых не так уж много было в суете текущей жизни. В стихотворении «Под зно-

<sup>26</sup> Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 618.



ем флорентийской лени...» (1914) эта данность заявлена просто декларативно:

Так береги остаток чувства,  
Храни хоть творческую ложь:  
Лишь в легком челноке искусства  
От скуки мира уплывешь.  
(3, 76)

В стихотворении «Художник» («В жаркое лето и в зиму метельную...», 1913) жизнь поэта-творца представлена как бытие между скукой обыденности и приливами вдохновения:

Жду, чтоб спугнул мою скуку смертельную  
Легкий, доселе не слышанный звон.  
<...>  
Крылья подрезаны, песни заучены.  
Любите вы под окном постоять?  
Песни вам нравятся. Я же, измученный,  
Нового жду — и скучаю опять.  
(3, 101—102)

«Скука» в данном контексте обретает подчеркнутую экспрессию, по степени выразительности сопоставимую со «смертной тоской». Но скука эта превращается в свою противоположность: она переходит в состояние творческого подъема. Происходит как бы акт преобразования, исцеления искусством. Почти по Вл. Соловьеву — «свет из тьмы»...<sup>27</sup>

Избавление от скуки могли принести также потрясения, форсирование событий, вторжение в жизнь мятежного духа, сулящего ее обновление, кардинальный сдвиг в установившемся порядке вещей. Именно их почувствовал Блок после Февральской революции и в преддверии нового разрушительного переворота. Вернувшись в Петроград после прохождения службы в дружине, он писал матери 2 мая 1917 года: «Воздух временами опять *не скучный*, пахнет опять событиями. <...> Страшнее всего — скука» (VIII, 486, 487). Воодушевление, однако, длилось не слишком долго. Уже 14 июня того же года, работая в Чрезвычайной следственной комиссии, Блок записал: «От сна я чуть не падаю со стула, так все это скучно» (ЗК, 361).

<sup>27</sup> См. об этом: Быстров В. Н. «Угрюмством множа красоту». Об одном эпитафе у А. Блока // Русская речь. 1989. № 1. С. 15—21.

В апреле 1918 года, создавая эссе с подзаголовком «Страница из истории мировой Революции», размышляя о судьбе бунтаря, «римского большевика» Катилина, он отметил: «*Катилина*. Какой близкий, ЗНАКОМЫЙ, печальный мир! — И сразу — *горечь паде-ния*. Как скучно, известно. Ну что ж, Христос придет. Катилина захотел нескучного, не пышного, не красивого, недосягаемого. И это тоже скучно» (ЗК, 402)<sup>28</sup>. На следующий день Блок отогнал от себя эти безутешные мысли: «Катилина — всё-таки» (ЗК, 402), но не с ними ли связан его беспокойный вопрос в записи от 16 мая: «“КАТИЛИНА” — весь день. Лебединая песня революции?» (ЗК, 407). В сознание Блока и тогда, и позднее закрадывались сомнения, от которых он хотел бы избавить своих современников: не являет ли собой русская революция «скучное повторение, которым дарит нас история»? («Речь к актерам», май 1919 — VI, 354). Повторение на новом витке истории, но без коренных, сущностных изменений...

Подобные сомнения во многом питались мыслями о бесплодности разрушения и насилия. Так, в 8-й главке «Двенадцати» (1918) повествуется о том, как мается Петруха, погубив Катюку:

Ох ты, горе-горькое!  
 Скака скучная,  
   Смертная!  
 <...>  
 Упокой, Господи, душу рабы твоя...  
   Скучно!  
(5, 17)

Б. Зайцев в воспоминаниях о Блоке писал, касаясь «Двенадцати»: «“Скучно!” — так кончается восьмая главка. Как не быть скучно в атмосфере смерти?»<sup>29</sup>

Знаменателен в связи с этим отклик Блока в дневнике на стихотворение В. Маяковского «Радоваться рано» (1918): «Не так, товарищ!

Не меньше, чем вы, ненавижу Зимний дворец и музеи. Но разрушение так же старо, как строительство, и так же *традиционно*,

<sup>28</sup> См. также: Романов Б. Летящий в бездну Рим: Миф о Катилине Александра Блока // Блок А. Катилина. М., 2006. С. 189—190; Калб Дж Е. Римский «большевик»: «Катилина» Александра Блока и русская революция // Там же. С. 160—161.

<sup>29</sup> Зайцев Б. Далекое. М., 1991. С. 461.

как оно. Разрушая постылое, мы так же скучаем и зеваем, как тогда, когда смотрели на его постройку» (VII, 350).

В 1919 году разочарование Блока в революционных событиях, возможно, достигло кульминации. 7 мая он записал: «СКУКА существования не имеет пределов». <sup>30</sup> Это — уже какая-то метафизическая, трансцендентная скука, исход из которой найти трудно. Блок, подобно Катилине, захотел «не красивого, нескучного, недосягаемого». Чаяния не сбылись, поскольку его утопическая мечта о Преображении мира и человека оказалась, как он предвидел еще в юности, «чрезмерностью слаба» («Один порыв — безвластный и плакучий...», 1901). При этом парадокс заключается в том, что «скука» могла возникнуть у Блока не только от невоплощения мечты, но и в случае исполнения мечтаний. Допустим, Преображение произойдет. Но и это чревато скукой... Примечательно, однако, что Блок в декабре 1920 года в письме к Г. П. Блоку наперекор всему утверждал: «Совсем не считаю себя пессимистом» (VIII, 531).

В 1920 году в «Речи к актерам при закрытии сезона» Блок произнес такие слова о Вс. Мейерхольде: «В нем есть, сказал бы я, какая-то неутомимая алчба, жажда нового во что бы то ни стало, он очень скоро начинает *скучать* в старом или в том, что ему кажется старым» (VI, 400). Слова эти можно отнести и к самому поэту.

---

<sup>30</sup> Подробнее см.: Быстров В. Н. Блок в 1919 году (на материале записной книжки) // Русская литература. 2010. № 3. С. 116—120.